

Русские слова *Сент.* 1911/2
8 сент. 1911/2

„Снѣгъ“.

Въ большинствѣ своихъ драматическихъ произведеній Пшибышевскій рисуетъ намъ чисто славянскую черту — «надрывъ» въ любви. Беря это слово великаго Достоевскаго, мы вовсе не думаемъ проводить параллели между двумя писателями; слово это только прекрасно характеризуетъ сущность нѣкоторыхъ драматическихъ произведеній Пшибышевскаго.

Но надрывъ у этого писателя особеннаго характера: онъ является результатомъ польской ультра-изящной, уточенной культуры. Изящество и утонченность въ послѣднихъ своихъ предѣлахъ ведутъ къ слабости, къ аналізу въ ущербъ всему остальному, къ той «боязни жизни», которую освѣтилъ еще Тургеневъ. И насколько эта, — если можно такъ выразиться, — трагедія изящества и утонченности — черта польскаго народа, — видно хотя бы изъ того, что два литературныхъ противника — Сенкевичъ и Пшибышевскій — тутъ по существу сходятся. Первый — въ своемъ «Безъ догмата», второй — почти во всѣхъ своихъ драмахъ. И тому, и другому вѣришь, и тотъ, и другой абсолютно разными приемами интересуютъ: одинъ — читателя, другой — зрителя. Конечно, все сказанное относится только къ нѣкоторымъ драмамъ Пшибышевскаго и совсѣмъ не касается такихъ произведеній, какъ «Номо sapiens» и друг.

Авторъ, интересно отмѣтившій крупное явленіе, — авторъ хороший, это ясно. Слѣдовательно, къ ихъ числу принадлежатъ и Пшибышевскій, и потому стремленіе поставить на сценѣ этого писателя надо привѣтствовать. Чья инициатива постановки «Снѣга», исполненнаго третьяго дня, не знаю, но инициатива эта весьма почтенная. Тѣмъ болѣе почтенная, что въ данномъ случаѣ театръ пошелъ противъ вкусовъ публики, до сихъ поръ еще утверждающей, что Пшибышевскій скученъ.

Но отъ инициативы, отъ намѣренія до исполненія — «дистанція огромнаго размѣра». Недаромъ говорятъ, что все царство Вельзевула выложено исключительно добрыми намѣреніями.

Центръ спектакля — дебютантка В. Л. Юренева. Прежде, чѣмъ разбирать ся исполненіе, слѣдуетъ сдѣлать артисткѣ серьезный, тяжелый упрекъ въ недостаточной чистотѣ русской рѣчи: все время

слышится какой-то акцентъ. Такъ говорятъ бессарабы, одеситы. Кромѣ того, чувствуется вліяніе малороссійскаго говора. Намъ, москвичамъ, такое произношеніе рѣжетъ ухо. Да и недостатокъ этотъ не исправимъ. Можно назвать нѣсколько артистокъ, которые послѣ двухъ-трехъ лѣтъ работы окончательно избавлялись отъ всякаго акцента.

Что же касается самой передачи роли, то и тутъ имѣются возраженія. Бронка — чистый цвѣтокъ, погибшій подъ свѣтомъ; ее сгубилъ не ураганъ, не лавина, какъ гипсовскаго титановъ, а только мягкій, бѣлый снѣгъ, т.-е. отсутствіе солнца и свѣта. Бронка менѣе всего то, что французы называютъ «poseuse», — тѣпъ искусственности ей чужда; поза же, жесты, интонація артистки, подчасъ пѣвучія, мѣшали зрителю воспринять замыселъ автора. Вслѣдствіе этого, дѣйствительно, ощущались муки. Но не Пшибышевскій тому виной. Авторъ далъ довольно матеріала. Его упрекаютъ, и справедливо, въ одномъ недостаткѣ: чересчуръ большой изысканности, граничащей съ болѣзненностью. Чувствуя это, самъ авторъ настойчиво требовалъ отъ исполнителей строгой простоты, а отъ постановки реальности. Поэтому утрировать игру и постановку неправильно.

А утрировка была и во внѣшней сторонѣ. Бѣлый костюмъ В. Л. Юреновой, намѣренно полонизированный чѣмъ-то висѣвшимъ сзади (подъ кунтушъ), былъ претенціозенъ, и только. Дайте исполненіемъ польскую душу, — это будетъ вѣрно.

То же замѣчаніе нарочитости и по отношенію къ декорации. Впечатленіе отъ нея такое, что это не дворецъ полскаго-аристократа, хотя бы и отдѣланный заново (о чемъ говорится въ пьесѣ), а одна изъ комнатъ общаго пользованія какой-нибудь шикарной заграничной гостиницы, отдѣланной въ готическомъ вкусѣ, специально для американцевъ, — богато, дорого и безвкусно, чрезвычайно безвкусно. А упрекнуть полскаго въ безвкусицу — это то же, что пѣмца въ неаккуратности.

А. В. Рудницкій за свое отсутствіе изъ Москвы избавился отъ двухъ недостатковъ: связанности жестовъ и недостатковъ дикціи, по Тадеушъ — не его дѣло, не подходитъ къ его индивидуальности; кромѣ того, не вѣришь, что голова героя драмы создана «посить племъ, а руки — боевой мечъ», — изящная, стройная, но хрупкая фигура артиста этому противорѣчить.

При всемъ желаніи быть сдержаннымъ, приходится посѣтовать на Э. Л. Шилловскую, исполнительницу инфернальницы Евы: приемы грубой мелодрамы и способъ, какимъ въ балетахъ изображаютъ злодѣекъ, здѣсь, право, не годятся. Наоборотъ, упрекать Н. П. Асланова-Казимира было бы несправедливо. Одной добросовѣстности, скромности исполненія мало: Казимиръ — фигура трагическая, для нея воплощенія пучень талантъ, и, пожалуй, такой огромной величины, какъ талантъ покойнаго А. П. Ленскаго.

Къ свѣдѣнію режиссера: зритель въ театрѣ долженъ все видѣть, а два кресла были поставлены такъ, что то правая, то лѣвая сторона театра не могли видѣть дѣйствующихъ лицъ.

Резюме? Если публика не будетъ посѣщать «Снѣга», если фраза «Пшибышевскій скученъ» все еще будетъ ходить по Москвѣ, то вина въ этомъ не писателя, еще менѣе публики, а театра.

Не справились съ задачей.

АРХЕЛАЙ.